

Визуальное сознание все больше оттесняет «букву». Мы больше смотрим, чем читаем. И производители товаров, конечно, этим пользуются. В арсенале современного издателя огромный выбор различных инструментов для продвижения, в том числе медийных. Их применение облегчает поиск читателя, но, к сожалению, не всегда делает его покупателем книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ВЦИОМ. Сколько в России интернет-пользователей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/mass-media>.
2. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2011 год: Отраслевой аналитический доклад. М., 2012.
3. Суэтина Т. С. Портрет современного читателя (результаты наблюдения в социальных сетях) // Русский язык: человек, культура, коммуникация-2: сб. статей. Екатеринбург, 2010. С. 320-324.

Надежда
Константиновна
ФЕДОРОВА

ЧТО ЧИТАЛИ ВИЗАНТИЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ IX в.: к постановке проблемы

В статье намечаются подходы к исследованию литературного памятника IX в. «Библиотеки» константинопольского патриарха Фотия в аспекте истории чтения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

история чтения, круг чтения, интеллектуалы Византии, Фотий.

История чтения — отрасль исторического знания, которая начала оформляться в самостоятельную научную дисциплину только во второй половине XX столетия в трудах известных отечественных (Б. В. Сапунов, Рейтблат, А. Ю. Самарин и др.) и зарубежных специалистов (Р. Олтик, Р. Шартье, Р. Дарнтон, В. Сент-Клер и др.), исследовавших читателя посредством сопряжения методов социальной истории и истории повседневности, литературоведения, герменевтики, книговедения и др. наук. Собственно, методология исторических читателеведческих исследований до сих пор уточняется.

Изучение византийской истории чтения только начинается. Максимально близко к данной проблематике подошли исследователи, изучавшие византийскую литературу (А. П. Каждан, С. С. Аверинцев, Л. А. Фрейберг, М. В. Бибииков) и систему образования (С. Н. Гукова, И. В. Кривушин, З. Г. Са-

Город как книжное пространство

модурова, Дж. Баклер, Р. Браунинг). Исследованием византийских интеллектуалов занимаются М. А. Поляковская и Т. В. Куц, представители Уральской школы византиноведения, основанной М. Я. Сюзюмовым. Научные интересы М. А. Поляковской сосредоточены на анализе состояния византийской элитарной интеллектуальности в условиях кризиса империи в XIV в. В 1998 г. в издательстве «Алетейя» вышла монография М. А. Поляковской «Портреты византийских интеллектуалов: три очерка (о Дмитрие Кидонисе, Николае Кавасиле, Алексее Макремволите)».

Т. В. Куц в статье «Наставничество как форма интеллектуального общения» пишет об особой «византийской интеллектуальной среде», характерной чертой которой являлась «преемственность в образовании»: «Учеником Влеммида был Георгий Акрополит, который впоследствии стал учителем Григория Кипрского, Феодора Ласкариса и Григория Пахимера, последний, в свою очередь, был другом учителя своего учителя, то есть Влеммида. Григорий Кипрский же обучал наукам Никифора Хумна и Феодора Музалона. Учителем Никифора Григоры был константинопольский патриарх Иоанн XIII Глика» [Куц 2011: 354]. Вслед за М. А. Поляковской Т. В. Куц исследует интеллектуальную жизнь Византии времен Палеологов. Представляется необходимым обратиться и к более раннему периоду развития Византийской империи с целью изучения особенностей формирования интеллектуальной среды, сложившейся в IX в. с приходом к власти Македонской династии, в то время, когда в Константинополе начинает действовать Магнаврская школа (университет).

А. П. Каждан в работе «Книга и писатель в Византии» среди наиболее популярных у византийцев произведений для чтения называет:

- 1) Священное Писание (отдельными частями и в полном виде — Септуагинта);
- 2) богословскую литературу (толковые, полемические, догматические и др. произведения);
- 3) агиографию.

«Почти на все мировоззренческие вопросы, — пишет А. П. Каждан, — византиец искал ответ в богословских книгах: здесь обнаруживал он и этический идеал, и учение о космосе, и сведения по антропологии — науке о человеке, и политико-экономические максимы, и прежде всего систему взглядов на Бога и бесконечность, на смерть и бессмертие» [Каждан 1973: 131]. Но исследователь уточняет, что в круг чтения «любопытного читателя» входила также и светская литература:

- 1) произведения античных авторов;
- 2) риторические произведения византийцев и др. средневековых авторов;
- 3) исторические произведения.

А. П. Каждан избегает разговора о научной литературе, за исключением исторической, но не отрицает, что чтение научных произведений практико-

валось [Каждан 1973]. Развивая мысль А. П. Каждана, в качестве гипотезы отметим, что читательские предпочтения византийского интеллектуала, вероятно, в значительной степени отличались от предпочтений среднестатистического грамотного византийца.

Реконструкция круга чтения византийских интеллектуалов IX в. возможна благодаря тому, что в распоряжении исследователей имеется исключительный по своему составу памятник византийской литературы — «Библиотека», или «Мириобиблион», представляющий собой перечень библиографических записей, сделанных Константинопольским патриархом Фотием¹. Оригинальная рукопись не сохранилась, до настоящего времени дошли 24 списка X-XVI вв. Первое типографское издание вышло в XVII в. В 1960-е гг. во Франции было осуществлено критическое издание памятника, существенно облегчившее работу специалистов по его изучению.

Отметим, что многие византологи, как, например, А. А. Васильев, считали, что интеллектуальная атмосфера времен Македонской династии была создана именно благодаря усилиям патриарха Фотия [Васильев 1998]. Состав и композиция «Библиотеки» не раз внимательно изучались отечественными и зарубежными учеными. Произведение Фотия исследовалось на предмет существования прототекста, к которому автор мог обращаться; методики создания — непосредственно после чтения текстов или позднее по памяти; времени создания и пр. Из отечественных исследователей особое внимание «Библиотеке» уделяли А. П. Каждан и Б. А. Семеновкер; из иностранных авторов — У. Тридголд, О. Диллер, Т. Хэгг, Н. Уиллсон, Л. Брубакер, Ф. Дворник.

Библиографические записи в «Библиотеке» поданы в виде кодексов (глав), общее число которых — 280. Однако не все кодексы содержат информацию об одной книге или произведении. Эти произведения принадлежат 168 авторам. Количество же авторов, упомянутых Фотием, значительно больше: только библиографический список из произведения Иоанна Стобея, включенный в состав 167 кодекса, содержит 450 имен [Семеновкер 1995: 48-50].

Л. А. Фрейберг справедливо отметила, что Фотий отдает предпочтение литературе философской и исторической, особенно эпохи второй софистики, совершенно игнорируя античную поэзию и драматургию [Памятники... 1969]. Примечательно, что среди авторов, упомянутых Фотием, нет не только Эсхила, Софокла, Еврипида, Алкея и Феогнида, но и Аристотеля. Руководствуясь внутренней логикой «Библиотеки», объяснить это достаточно просто: Фотий рассказывает Тарасию (брату, которому адресован «Мириобиблион») только о тех книгах, что были прочитаны в его отсутствие. Если же критерием отбора текстов для пересказа считать что-

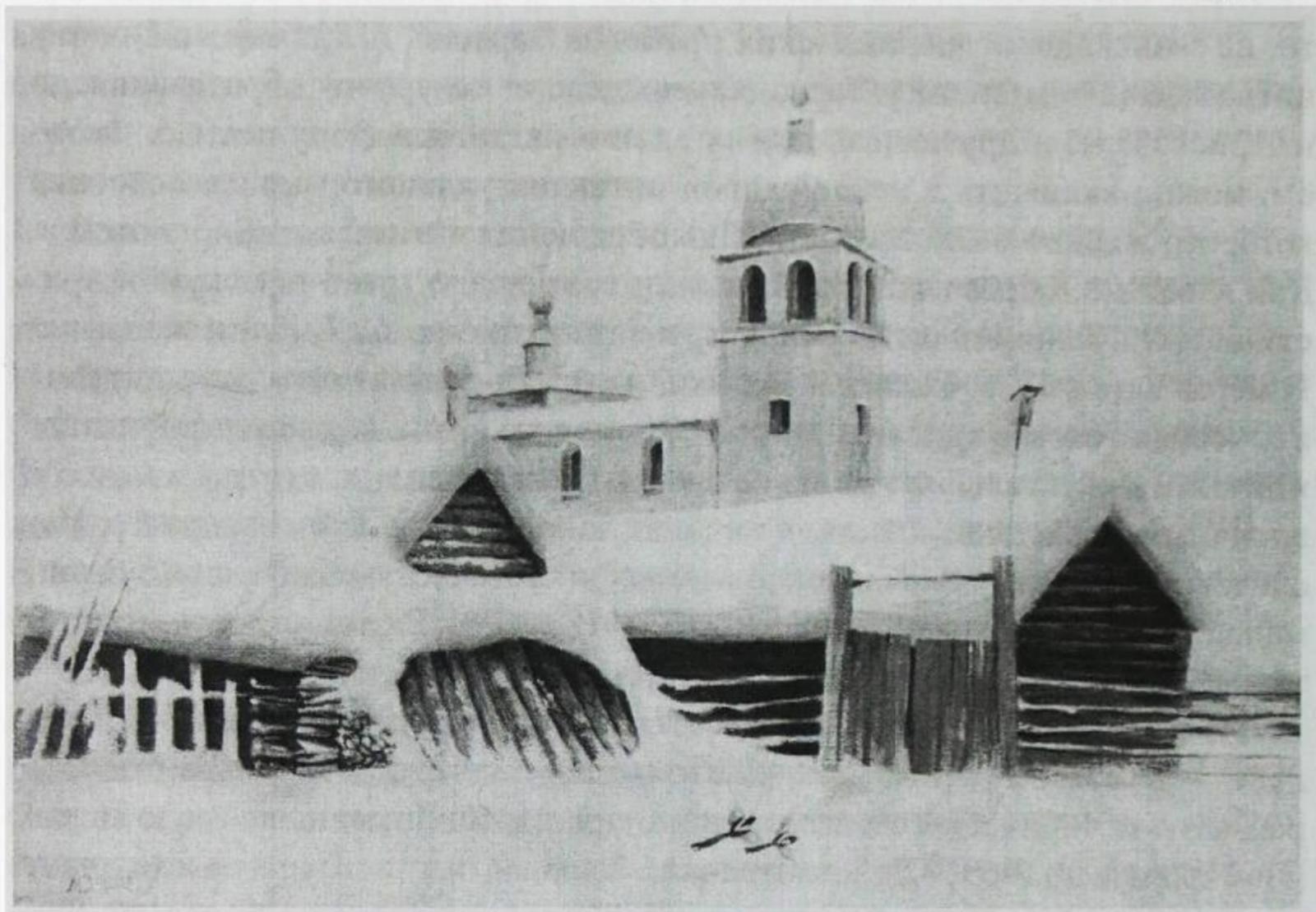
¹ Фотий (ок. 860-896 гг.) — Константинопольский патриарх (857-867 и 877-886 гг.). Был предан анафеме в 863 г. папой Николаем I; святой Восточной церкви.

Город как книжное пространство

то, не зависящее от читательских пробелов Тарасия, например, наличие у читателей (в том числе у Тарасия) определенного уровня образования, то и Аристотеля, и других известных античных авторов, опущенных Фотием, можно включить в некое «ядро» интеллектуального чтения, освоение которого должно было состояться до обращения читателя к «Библиотеке». Как известно, образование в Византии совмещало греко-римскую и христианские традиции: дети учились читать и писать по Библии и поэмам Гомера. Еще в IV в. Василий Великий написал трактат о культуре чтения языческих текстов христианами — «К юношам о том, как с пользой читать языческих читателей». Уже из названия трактата видно, что знакомство с античным наследием читатель начинал в достаточно юном возрасте. Исследователи также отмечают, что выбор Фотия зачастую был в пользу книг, малодоступных для чтения [Семеновкер 1995: 50]. В этом смысле Аристотель в «Библиотеку» не попал закономерно.

Из вступления, адресованного «возлюбленному брату Тарасию», следует, что всякому читателю «Библиотеки» не трудно будет «отделить рассказы исторического содержания от рассказов, имеющих иную цель» [Памятники... 1969]. Действительно, большая часть кодексов содержит описание исторических произведений. Можно предположить, что, по Фотию, чтение для познания прошлого отличается от чтения с какой-либо иной целью, например, с целью усвоения стилистической техники, которой автор уделяет особое внимание в своих пересказах: «(кодекс 128, о Лукиане) Связность слов достигает у него такого совершенства, что при чтении они воспринимаются не как слова, а словно какая-то сладостная музыка, которая, независимо от содержания песни, вливается в уши слушающих. Одним словом, повторяю, великолепен слог у него, хотя и не подходит для его сюжетов, которые он сам предназначил для смеха и шуток» [Памятники... 1969]. Фотий отмечает, что чтение приносит «наслаждение и пользу». Причем в качестве полезного автор рассматривает в основном риторические упражнения, которым способствует хорошо подобранное чтение: «(кодекс 90, речи и письма софиста Либания) Были прочтены два тома Либания. Его вольные декламации и риторские упражнения полезнее, чем другие его произведения. Хотя в другом он отличается трудолюбием и любознательностью, зато утрачивает природную непринужденность, так сказать, грацию и красоту слога, впадая при этом в неясность, многое затемняя отступлениями, а многое из необходимого и пропуская» [Памятники... 1969]. Соответственно, наслаждение от чтения, по Фотию, связано не столько с красотой слога писателя, сколько с узнаванием прочитанного. Кроме истории, это зоология, география, медицина, грамматика, философия и, конечно, богословие.

«Библиотека» Фотия как источник по истории чтения византийских интеллектуалов нуждается в детальном анализе с целью уточнения не столько читательских предпочтений самого патриарха, сколько выявления его

М. И. Захаров. ФЕВРАЛЬ. 2009

рекомендаций как одного из глубочайших умов своего времени. Однако для реконструкции круга чтения византийских интеллектуалов мало восстановить перечень произведений, к которым они могли обращаться, необходимо определить также границы и состав «ядра чтения», обязательного минимума произведений, не читать которые византийский интеллектуал, живший во времена Фотия, не мог. Кроме того, представляется необходимым выявление механизмов порождения «периферийных читательских полей», специфичных для различных групп интеллектуалов. Что, зачем и почему читали византийские интеллектуалы в IX в. — вот вопросы, на которые историкам чтения еще предстоит ответить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов до 1081 г. М.: Алетейя, 1998.
2. Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М.: Наука, 1973.
3. Куш Т. В. Наставничество как форма интеллектуального общения // Античная древность и средние века: сб. науч. тр. Вып. 40. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 352-362.
4. Памятники византийской литературы IX-XIV вв. / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М.: Наука, 1969.
5. Семеновкер Б. А. Библиографические памятники Византии. М.: Изд-во Археографический центр, 1995.
6. Kazhdan A. P. A History of Byzantine Literature (850-1000). Athens, 2006.

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА АРКАДИЯ ЕЛФИМОВА

В статье дается краткая характеристика личной библиотеки известного книжника и издателя А. Елфимова и подробно рассматривается ее литературный раздел.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

личная библиотека, домашняя библиотека, книжная коллекция, книжное собирательство, литературная коллекция, книжный раритет.

Рубеж XX-XXI вв. вслед за Р. Шартье, крупнейшим современным историком книги, принято называть временем самой радикальной за последние две тысячи лет революцией чтения, когда меняются и материальные носители письменности, и способы чтения, и, следовательно, интеллектуальные техники и культурные практики [Шартье 2006]. И хотя слоганом дня стали слова У. Эко и Ж.-К. Карьера «Не надейтесь избавиться от книг!» [Эко, Карьер 2010], ситуация смены культурных парадигм значительно активизировала изучение книжной культуры, одним из важнейших аспектов которой является книжное собирательство и история личных библиотек.

К сожалению, личные (домашние) библиотеки тюменцев, как, впрочем, и сибиряков в целом, мало изучены, хотя они дают бесценный материал для осмысления практик чтения, путей распространения книг и, главное, самого феномена человека книжного. Статья посвящена личной библиотеке известного тобольского книжника и издателя Аркадия Елфимова.

Книжником А. Елфимов стал во многом благодаря своему отцу Григорию Алексеевичу, в наследство от которого он получил небольшую стопку книг. В одной из них, посвященной С. У. Ремезову, сибирскому Леонардо, как его справедливо называют, он нашел напутствие отца: «Хранить, читать и перечитывать». В сущности, из этого наследства и родилась его личная библиотека, а Ремезов, книжник, архитектор, художник, строитель единственного в Сибири каменного тобольского Кремля, с тех пор занял в его жизни огромное место.

Особенно близок стал ему Ремезов, когда в 1977 г. А. Елфимов переехал жить из родной Тюмени в Тобольск. В истории русской книжности Тобольск, как известно, занимает особое место. Его по праву называют первопечатной столицей Сибири. В 1789 г. купец Василий Корнильев напечатал здесь первые сибирские книги и первый сибирский журнал «Иртыш,